

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIIY-AMALIY JURNALI

2026-yil 1-son

VOLUME 6 / ISSUE 1 / 2026

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.6.1.

Crossref
Content
Registration

ISSN: 2181-1938

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence

**MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT
YURIDIK UNIVERSITETI**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” huquqiy ilmiy-amaliy jurnali O‘zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2020-yil 22-dekabrda 1140-sonli guvohnoma bilan davlat ro‘yxatidan o‘tkazilgan.

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta‘lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro‘yxatiga kiritilgan.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko‘paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Sotuvda kelishilgan narxda.

Nashr bo‘yicha mas‘ul:
O. Choriyev

Muharrirlar:

E. Mustafayev,
Y. Yarmolik,
E. Sharipov,
K. Abduvaliyeva,
Y. Mahmudov,
M. Sharifova,
Sh. Beknazarova

Musahhih:

M. Tursunov

Texnik muharrir:

U. Sapayev

Dizayner:

D. Rajapov

Tahririyat manzili:

100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Obuna indeksi: 1387

Tasdiqnom

№ 174625, 29.11.2023.

Jurnal 2026-yil 24-fevralda bosmaxonaga topshirildi.
Qog‘oz bichimi: A4.
Shartli bosma tabog‘i: 18,1
Adadi: 100. Buyurtma: № 32.

TDYU bosmaxonasida chop etildi.
Bosmaxona manzili:
100047. Toshkent shahri,
Sayilgoh ko‘chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik universiteti

TAHRIR HAY’ATI

BOSH MUHARRIR

Z. Esanova – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

BOSH MUHARRIR O‘RINBOSARI

J. Allayorov – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquqiy tadqiqotlar oliy maktabi direktori, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

MAS‘UL MUHARRIR

N. Ramazonov – Toshkent davlat yuridik universiteti O‘zbek tili va adabiyoti sho‘basi mudiri, filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

TAHRIR HAY’ATI A‘ZOLARI

J. Blum – Amerika Qo‘shma Shtatlarining Boston kolleji Huquq maktabi professori, huquq doktori (AQSh)

M. Vishovatiy – Polshaning Gdansk universiteti professori (Polsha)

M. Hayat – Muhammadiyah Malang universiteti o‘qituvchisi (Indoneziya)

A. Xoshimxonov – Toshkent davlat yuridik universiteti Yoshlar masalalari va ma‘naviy-ma‘rifiy ishlar bo‘yicha birinchi prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

A. Yakubov – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro hamkorlik va uzluksiz ta‘lim bo‘yicha prorektor, yuridik fanlar doktori, dotsent

M. Axmedshayeva – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq nazariyasi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

X. Xayitov – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Qonunchilik palatasi deputati, yuridik fanlar doktori, professor

S. Yusupov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ma‘muriy va moliya huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, professor

E. Egamberdiyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Fuqarolik huquqi sho‘basi dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

Sh. Ismoilov – Toshkent davlat yuridik universiteti Mehnat huquqi sho‘basi mudiri, yuridik fanlar doktori, dotsent

G. Uzakova – Toshkent davlat yuridik universiteti Ekologiya huquqi sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

G. Yo‘ldasheva – Toshkent davlat yuridik universiteti Xalqaro huquq va inson huquqlari sho‘basi professori, yuridik fanlar doktori

A. Yo‘ldoshev – Toshkent davlat yuridik universiteti Konstitutsiyaviy huquq sho‘basi dotsenti, yuridik fanlar doktori

R. Altiyev – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish sho‘basi professori v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

M. Kurbanov – Toshkent davlat yuridik universiteti Jinoyat huquqi, kriminologiya va korrupsiyaga qarshi kurashish sho‘basi dotsenti v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

S. Oripov – Toshkent davlat agrar universiteti Huquqshunoslik kafedrasida dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

F. Hamdamova – Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti Xalqaro huquq va ommaviy huquq fanlari kafedrasida dotsenti v.b., yuridik fanlar doktori

D. So‘fiyeva – Toshkent davlat yuridik universiteti Davlat va huquq nazariyasi sho‘basi katta o‘qituvchisi, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori

R. Kuchkarov – Toshkent davlat yuridik universiteti Huquq, jamiyat va madaniyat sho‘basi dotsenti v.b., filologiya fanlari nomzodi

**УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Правовой научно-практический журнал «Юриспруденция» – «Yurisprudensiya» – «Jurisprudence» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 22 декабря 2020 года с удостоверением № 1140.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:

О. Чориев

Редакторы:

Э. Мустафаев,
Е. Ярмолик,
Э. Шарипов,
К. Абдувалиева,
Й. Махмудов,
М. Шарифова,
Ш. Бекназарова

Корректор:

М. Турсунов

Технический редактор:

У. Сапаев

Дизайнер:

Д. Ражапов

Адрес редакции:

100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Подписной индекс: 1387.

Свидетельство

от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию
24.02.2026.

Формат бумаги: А4.
Усл. п. л. 18,1. Тираж: 100 экз.
Номер заказа: 32.

Отпечатано в типографии
Ташкентского государственного
юридического университета.
100047, г. Ташкент,
ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный
юридический университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

З. Зсанова – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Ташкентского государственного юридического университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ж. Аллаёров – доктор философии по юридическим наукам, доцент, директор Высшей школы правовых исследований Ташкентского государственного юридического университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Рамазонов – доктор философии по филологическим наукам, доцент, заведующий сектором узбекского языка и литературы Ташкентского государственного юридического университета

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дж. Блум – профессор юридической школы Бостонского колледжа (Бостон, США), доктор юридических наук

М. Вишоватый – профессор Гданьского университета (Гданьск, Польша)

М. Хаят – преподаватель Университета Мухаммадия Маланг (Индонезия)

А. Хашимхонов – первый проректор по делам молодёжи и духовно-просветительской работе Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

А. Якубов – проректор по международным связям и дополнительному образованию Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

М. Ахмедшаева – профессор сектора теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Х. Хайитов – депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

С. Юсупов – заведующий сектором административного и финансового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор

Э. Эгамбердиев – доцент сектора гражданского права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

Ш. Исмоилов – заведующий кафедрой трудового права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент

Г. Узакова – профессор сектора экологического права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Г. Юлдашева – профессор сектора международного права и прав человека Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

А. Юлдошев – доцент сектора конституционного права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук

Р. Алтиев – и.о. профессора сектора уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

М. Курбанов – и.о. профессора сектора уголовного права, криминологии и противодействия коррупции Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

С. Орипов – доцент кафедры права Ташкентского государственного аграрного университета, доктор философии по юридическим наукам

Ф. Хамдамова – и.о. доцента кафедры международного и публичного права Университета мировой экономики и дипломатии, доктор юридических наук

Д. Суфиева – старший преподаватель сектора теории государства и права Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам

Р. Кучкаров – доцент сектора права, общества и культуры Ташкентского государственного юридического университета, кандидат филологических наук

**FOUNDER: TASHKENT STATE
UNIVERSITY OF LAW**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” legal scientific and practical journal was registered by the Press and Information Agency of Uzbekistan on December 22, 2020 with certificate No. 1140.

The journal is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan.

Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of journal materials are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:
O. Choriev

Editors:

E. Mustafaev,
E. Yarmolik,
E. Sharipov,
K. Abduvalieva,
Y. Makhmudov,
M. Sharifova,
Sh. Beknazarova

Proofreader:

M. Tursunov

Technical editor:

U. Sapaev

Designer:

D. Rajapov

Editorial office address::

100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Subscription index: 1387.

Certificate

№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the Printing house on 24.02.2026.

Paper size: A4. Cond.p.f: 18,1.

Units: 100. Order: № 32.

Published in the Printing house of
Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city,
Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Z. Esanova – Deputy Rector for Scientific Affairs and Innovations of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

DEPUTY EDITOR

J. Allayorov – Director of the Graduate School of Legal Research of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR

N. Ramazonov – Head of the Department of Uzbek Language and Literature of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Philology, Associate Professor

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

J. Blum – Professor of Law School of Boston College, Doctor of Law (Boston, USA)

M. Vishovaty – Professor of the University of Gdańsk (Gdansk, Poland)

M. Hayat – Lecturer of the University of Muhammadiyah Malang (Indonesia)

A. Khashimhonov – First Deputy Rector for Youth Affairs and Spiritual and Educational Affairs of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

A. Yakubov – Deputy Rector for International Relations and Further Education of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Associate Professor

M. Akhmedshaeva – Professor of the Department of Theory of State and Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

Kh. Khayitov – Deputy of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor

S. Yusupov – Head of the Department of Administrative and Financial Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

E. Egamberdiev – Associate Professor of the Department of Civil Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Sh. Ismoilov – Head of the Department of Labor Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Associate Professor

G. Uzakova – Professor of the Department of Environmental Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

G. Yuldasheva – Professor of the Department of International Law and Human Rights of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

A. Yuldoshev – Associate Professor of the Department of Constitutional Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Law

R. Altiev – Acting Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

M. Kurbanov – Acting Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Anti-Corruption of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

S. Oripov – Associate Professor of the Department of Law of Tashkent State Agrarian University, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

F. Hamdamova – Acting Associate Professor of the Department of International Law and Public Law of the University of World Economy and Diplomacy, Doctor of Law

D. Sufieva – Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

R. Kuchkarov – Associate Professor of the Department of Law, Society and Culture of Tashkent State University of Law, Candidate of Philological Sciences

MUNDARIJA

12.00.01 – THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW. HISTORY OF LEGAL DOCTRINES

11 **ESHTURDIYEVA FARANGIZ BAXODIR QIZI**

Huquqiy bo'shliq fenomeni va uni bartaraf etish: O'zbekiston fuqarolik qonunchiligi misolida

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI. XALQARO XUSUSIY HUQUQ

21 **NOSIROV SHERZOD SHERMATOVICH**

Transchegaraviy to'lovga qobiliyatsizlik huquqi: nazariy yondashuvlar va zamonaviy muammolar

28 **ABDULLAYEV KOMILJON ISTATILLO O'G'LI**

Bulutli texnologiyalarni huquqiy tartibga solish muammolari va istiqbollari

36 **AVLIYOQULOV BEKMIRZA BEKTEMIROVICH**

Transchegaraviy zarar yetkazish oqibatida vujudga kelgan nizolarni hal qilishda xalqaro xususiy huquqning o'rni

44 **MAMADIYEV ABROR ABDURAXMON O'G'LI**

O'zbekistonda intellektual mulk huquqlarini himoya qilish tizimini takomillashtirish yo'llari: kompensatsiyaviy mexanizmlar

53 **RAHMATOV AZIZBEK ISKANDAR O'G'LI**

Mezonin kapitalning tadbirkorlik faoliyatini moliyalashtirishdagi o'rni va uning huquqiy tartibga solinishi

61 **SAIDOVA NIGORAXON AKMAL QIZI**

Onlayn marketpleys operatorlarining huquqiy maqomi

12.00.06 – TABIIY RESURSLAR HUQUQI. AGRAR HUQUQ. EKOLOGIK HUQUQ

74 **ISANOV XOLMUROD RUZIYEVICH**

Qishloq xo'jaligi sohasini huquqiy tartibga solishni takomillashtirish muammolari

12.00.07 – SUD HOKIMIYATI. PROKUROR NAZORATI. HUQUQNI MUHOFAZA QILISH FAOLIYATINI TASHKIL ETISH. ADVOKATURA

83 **BAZARBAEVA SHAXLO RAXIMOVNA, SOBITOVA UMIDAXON MUROD QIZI**

Fuqarolar huquqlarini ta'minlashda huquqni muhofaza qiluvchi organlar va sud tizimining o'zaro hamkorligi

12.00.08 – JINOYAT HUQUQI. JINOYAT-IJROIYA HUQUQI

94 **ABBOSOV MIRSULTON MIRSHAROF O'G'LI**

Sun'iy intellektdan foydalangan holda sodir etilgan jinoyatlar uchun javobgarlik: xalqaro-huquqiy yondashuv

12.00.09 – JINOYAT PROTSESSI. KRIMINALISTIKA, TEZKOR-QIDIRUV HUQUQI VA
SUD EKSPERTIZASI

102 **BAZAROVA DILDORA BAXADIROVNA**

Jinoyat protsessida ichki ishonchga ko'ra dalillarni baholashning nazariy muammolari

12.00.12 – KORRUPSIYA MUAMMOLARI

125 **KOLENKO YEVGENIY VYACHESLAVOVICH, AHMADOV ALIMARDON AXMADOVICH**

Kriptoaktivlar soyadagi iqtisodiyotda: jinoiy faoliyatda foydalanilgan aktivlarni qaytarishning huquqiy tahlili

137 **AHMADJONOV MURODULLO NURALI O'G'LI**

Korrupsiyaning sabablari va demokratik yechimlar

12.00.13 – INSON HUQUQLARI

145 **MO'MINOV ASILBEK HUSNIDDIN O'G'LI**

Raqamli muhitda shaxsga doir ma'lumotlarni himoya qilish sohasidagi qonunchilik: xorijiy tajriba va milliy istiqbollar

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.
ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

11 ЭШТУРДИЕВА ФАРАНГИЗ БАХОДИР КИЗИ

Феномен правового пробела и его устранение: на примере гражданского законодательства Узбекистана

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО.
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

21 НОСИРОВ ШЕРЗОД ШЕРМАТОВИЧ

Трансграничное право несостоятельности: теоретические подходы и современные проблемы

28 АБДУЛЛАЕВ КОМИЛЖОН ИСТАТИЛЛО УГЛИ

Проблемы и перспективы правового регулирования облачных технологий

36 АВЛИЁКУЛОВ БЕКМИРЗА БЕКТЕМИРОВИЧ

Роль международного частного права в разрешении споров, возникающих в результате причинения трансграничного ущерба

44 МАМАДИЕВ АБРОР АБДУРАХМОН УГЛИ

Пути совершенствования системы защиты прав интеллектуальной собственности в Узбекистане: компенсационные механизмы

53 РАХМАТОВ АЗИЗБЕК ИСКАНДАР УГЛИ

Роль мезонинного капитала в финансировании предпринимательской деятельности и его правовое регулирование

61 САИДОВА НИГОРАХОН АКМАЛ КИЗИ

Правовой статус операторов онлайн-маркетплейсов

12.00.06 – ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

74 ИСАНОВ ХОЛМУРОД РУЗИЕВИЧ

Проблемы совершенствования правового регулирования сельскохозяйственной сферы

12.00.07 – СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. АДВОКАТУРА

83 БАЗАРБАЕВА ШАХЛО РАХИМОВНА, СОБИТОВА УМИДАХОН МУРОД КИЗИ

Взаимодействие правоохранительных органов и судебной системы при обеспечении прав граждан

12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

94 АББОСОВ МИРСУЛТОН МИРШАРОФ УГЛИ

Ответственность за преступления, совершённые с использованием искусственного интеллекта: международно-правовой подход

12.00.09 – УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ПРАВО И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

102 БАЗАРОВА ДИЛДОРА БАХАДИРОВНА

Теоретические проблемы оценки доказательств по внутреннему убеждению в уголовном процессе

12.00.12 – ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ

125 КОЛЕНКО ЕВГЕНИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, АХМАДОВ АЛИМАРДОН АХМАДОВИЧ

Криптоактивы в теневой экономике: правовой анализ возврата активов, используемых в преступной деятельности

137 АХМАДЖОНОВ МУРОДУЛЛО НУРАЛИ УГЛИ

Причины коррупции и демократические решения

12.00.13 – ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

145 МУМИНОВ АСИЛБЕК ХУСНИДДИН УГЛИ

Законодательство в сфере защиты персональных данных в цифровой среде: зарубежный опыт и национальные перспективы

CONTENTS

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

11 ESHTURDIEVA FARANGIZ BAKHODIR KIZI

The phenomenon of legal gaps and their elimination: on the example of Uzbekistan's civil legislation

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

21 NOSIROV SHERZOD SHERMATOVICH

Cross-border insolvency law: theoretical approaches and contemporary challenges

28 ABDULLAEV KOMILJON ISTATILLO UGLI

Problems and prospects of legal regulation of cloud technologies

36 AVLIYOQULOV BEKMIRZA BEKTEMIROVICH

The role of private international law in resolving disputes arising from transboundary damage

44 MAMADIEV ABROR ABDURAKHMON UGLI

Ways to improve the system of protection of intellectual property rights in Uzbekistan: compensatory mechanisms

53 RAHMATOV AZIZBEK ISKANDAR UGLI

The role of mezzanine capital in financing entrepreneurial activity and its legal regulation

61 SAIDOVA NIGORAXON AKMAL KIZI

Legal status of online marketplace operators

12.00.06 – THE LAW OF NATURAL RESOURCES. AGRARIAN LAW. ENVIRONMENTAL LAW

74 ISANOV KHOLMUROD RUZIEVICH

Problems of improving the legal regulation of the agricultural sector

12.00.07 – JUDICIAL BRANCH. PROSECUTOR'S CONTROL. ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT. ADVOCACY

83 BAZARBAEVA SHAKHLO RAKHIMOVNA, SOBITOVA UMIDAKHON MUROD KIZI

Interaction between law enforcement agencies and the judicial system in ensuring the rights of citizens

12.00.08 – CRIMINAL LAW. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

94 ABBOSOV MIRSULTON MIRSHAROF UGLI

Liability for crimes committed using artificial intelligence: an international legal approach

12.00.09 – CRIMINAL PROCEEDINGS. FORENSICS, INVESTIGATIVE LAW AND FORENSIC EXPERTISE

102 BAZAROVA DILDORA BAKHADIROVNA

Theoretical problems of evidence evaluation based on inner conviction in criminal procedure

12.00.12 – CORRUPTION PROBLEMS

- 125 **KOLENKO YEVGENIY VYACHESLAVOVICH, AHMADOV ALIMARDON AHMADOVICH,**
Crypto-assets in the shadow economy: a legal analysis of the asset recovery used in criminal activities
- 137 **AHMADJONOV MURODULLO NURALI UGLI**
Causes of corruption and democratic solutions
-

12.00.13 – HUMAN RIGHTS

- 145 **MUMINOV ASILBEK KHUSNIDDIN UGLI**
Legislation in the field of personal data protection in the digital environment:
foreign experience and national perspectives

Kelib tushgan / Получено / Received: 29.12.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 09.02.2026
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 24.02.2026

DOI: <https://dx.doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.6.1./CFNH4272>

UDC: 343.14(045)(575.1)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ВНУТРЕННЕМУ УБЕЖДЕНИЮ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Базарова Дилдора Бахадировна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета уголовного правосудия
Ташкентского государственного юридического университета
ORCID: 0000-0002-6833-9508
e-mail: d.bazarova@tsul.uz

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических проблем оценки доказательств по внутреннему убеждению в уголовном процессе на основе анализа статей 95 и 95¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан. Проанализировано понятие внутреннего убеждения, исследованы критерии оценки доказательств (относимость, допустимость, достоверность, достаточность) и выявлены проблемы их применения. Детально рассмотрены основания признания доказательств недопустимыми, включая доказательства, полученные путём пыток, фальсифицированные доказательства, доказательства, полученные с нарушением права на защиту, а также новелла 2024 года о недопустимости электронных данных, полученных без участия специалиста. На основе статистических данных Верховного суда Республики Узбекистан выявлено снижение доли оправдательных приговоров за период 2020–2025 годы, что может свидетельствовать о наличии обвинительного уклона в формировании внутреннего убеждения судей. Сравнительно-правовой анализ определил преимущества и недостатки континентальной и англо-американской моделей оценки доказательств. Практические рекомендации включают введение дополнительных процессуальных гарантий для повышения объективности внутреннего убеждения, законодательное закрепление обязательных элементов мотивировки приговоров, введение правил о недопустимости производных доказательств и реформирование системы оценки деятельности судей.

Ключевые слова: внутреннее убеждение, оценка доказательств, недопустимость доказательств, уголовный процесс, критерии доказательств, оправдательные приговоры, обвинительный уклон, электронные доказательства

JINOYAT PROTSESSIDA ICHKI ISHONCHGA KO'RA DALILLARNI BAHOLASHNING NAZARIY MUAMMOLARI

Bazarova Dildora Baxadirovna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Jinoiy odil sudlov fakulteti dekani,
yuridik fanlar doktori, professor

Annotatsiya. Ushbu maqola O'zbekiston Respublikasi Jinoyat-protsessual kodeksining 95- va 95¹-moddalarini tahlili asosida jinoyat protsessida ichki ishonchlilik asosida dalillarga baho berishning

nazariy muammolarini o'rganishga bag'ishlangan. Ichki ishonchlilik tushunchasi tahlil qilinib, dalillarni baholash mezonlari (nisbiylik, maqbullik, ishonchlilik, yetarlilik) tadqiq etilgan va ularning qo'llanishi bilan bog'liq muammolar aniqlangan. Dalillarni nomaqbul deb topish asoslari, jumladan, qiynoqlar orqali olingan dalillar, soxtalashtirilgan dalillar, himoya huquqini buzgan holda olingan dalillar, shuningdek, mutaxassis ishtirokisiz olingan elektron ma'lumotlarga yo'l qo'yilmasligi to'g'risidagi 2024-yilgi yangi qoida batafsil ko'rib chiqilgan. O'zbekiston Respublikasi Oliy Sudining statistik ma'lumotlari asosida 2020–2025-yillar davomida oqlov hukmlari ulushining kamayishi aniqlandi, bu esa sudyalarning ichki ishonchini shakllantirishda ayblovga moyillik mavjudligidan dalolat berishi mumkin. Qiyosiy-huquqiy tahlil dalillarni baholashning kontinental va anglo-amerika modellarining afzalliklari va kamchiliklarini aniqladi. Amaliy tavsiyalar ichki ishonchning obyektivligini oshirish uchun qo'shimcha protsessual kafolatlarni joriy etish, hukmlarni asoslashning majburiy elementlarini qonun bilan mustahkamlash, hosila dalillarga yo'l qo'yilmasligi to'g'risidagi qoidalarni joriy etish va sudyalarning faoliyatini baholash tizimini isloh qilishni o'z ichiga oladi.

Kalit so'zlar: ichki ishonch, dalillarni baholash, dalillarning nomaqbulligi, jinoyat protsessi, dalillar mezonlari, oqlov hukmlari, ayblov og'ishi, elektron dalillar

THEORETICAL PROBLEMS OF EVIDENCE EVALUATION BASED ON INNER CONVICTION IN CRIMINAL PROCEDURE

Bazarova Dildora Bakhadirovna,
Dean of the Faculty of Criminal Justice,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Science in Law, Professor

Abstract. The article is devoted to researching the theoretical problems of OF evidence evaluation based on inner conviction in criminal procedure based on the analysis of Articles 95 and 95¹ of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. The concept of internal conviction was analyzed, the criteria for evaluating evidence (relevance, permissibility, reliability, and sufficiency) were investigated, and the problems of their application were identified. The grounds for recognizing evidence as inadmissible, including evidence obtained through torture, falsified evidence, and evidence obtained in violation of the right to defense, as well as the 2024 novelty on the inadmissibility of electronic data obtained without the participation of a specialist, were thoroughly examined. Based on statistical data from the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan, a decrease in the share of acquittals for the period 2020-2025 was revealed, which may indicate the presence of an accusatory bias in the formation of judges' internal convictions. Comparative legal analysis revealed the advantages and disadvantages of the continental and Anglo-American models of evidence assessment. Practical recommendations include introducing additional procedural guarantees to enhance the objectivity of internal conviction, legally establishing mandatory elements of sentence motivation, introducing rules on the inadmissibility of derivative evidence, and reforming the system for evaluating judges' activities.

Keywords: inner conviction, evidence evaluation, inadmissibility of evidence, criminal procedure, evidence criteria, acquittal verdicts, prosecutorial bias, electronic evidence

Введение

Оценка доказательств по внутреннему убеждению является одним из основополагающих принципов современного уголовного процесса, определяющим механизм формирования выводов о фактических обстоятельствах дела и в

конечном счёте о виновности или невиновности лица. Статьи 95 и 95¹ Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Узбекистан закрепляют систему оценки доказательств, основанную на внутреннем убеждении субъектов доказывания, руководствующихся зако-

ном и правосознанием. Данная система призвана обеспечить баланс между объективностью установления истины и необходимостью учёта специфики каждого конкретного дела.

Актуальность теоретического осмысления принципа внутреннего убеждения обусловлена несколькими факторами. Во-первых, статистические данные Верховного суда Республики Узбекистан свидетельствуют о существенном снижении доли оправдательных приговоров в период с 2020 по 2025 годы – с 2,05 до 0,53 %, что означает сокращение более чем в три раза. Общий показатель оправдательных приговоров за 2020–2025 годы составляет 1,34 % при общем числе осуждённых 364 778 человек. Столь низкая доля оправдательных приговоров ставит вопрос о возможном наличии обвинительного уклона при формировании внутреннего убеждения судей и эффективности механизмов защиты прав обвиняемых.

Во-вторых, законодательные изменения, внесённые в статью 95¹ УПК Законом Республики Узбекистан от 21 ноября 2024 года, установили новое основание недопустимости доказательств – недопустимость электронных данных, полученных без участия специалиста. Данная новелла отражает современные проблемы цифровизации уголовного процесса и требует теоретического осмысления критериев оценки электронных доказательств.

В-третьих, в правоприменительной практике отсутствует единообразное толкование ключевых понятий, используемых в статьях 95 и 95¹ УПК, таких как «установление истины» и «достаточная совокупность доказательств», что создаёт правовую неопределённость.

Современные исследования в области психологии юридического решения показывают, что внутреннее убеждение формируется не только на основе рацио-

нального анализа доказательств, но и под влиянием когнитивных искажений, предустановок и интуитивных факторов. Это порождает противоречие между нормативным требованием объективности оценки доказательств и субъективной природой процесса формирования убеждения. Указанное противоречие представляет собой одну из центральных теоретических проблем современного уголовного процесса, требующую углублённого научного осмысления.

Целью настоящего исследования является выявление теоретических проблем оценки доказательств по внутреннему убеждению в уголовном процессе Республики Узбекистан и разработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: проанализировать понятие и сущность внутреннего убеждения как принципа оценки доказательств; исследовать критерии оценки доказательств (относимость, допустимость, достоверность, достаточность) и проблемы их применения; изучить основания признания доказательств недопустимыми, установленные статьёй 95¹ УПК; выявить теоретические проблемы оценки доказательств, включая субъективность внутреннего убеждения, неопределённость понятия правосознания и сложности установления недопустимости доказательств; провести сравнительно-правовой анализ моделей оценки доказательств в зарубежных правовых системах; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере оценки доказательств.

Проблематика оценки доказательств по внутреннему убеждению исследуется в рамках различных научных традиций и

подходов. Исторический аспект формирования принципа внутреннего убеждения рассматривается в работе Esnard и Dumas (2018), которые анализируют внутреннее убеждение как концепцию, возникшую в противовес системе формальных доказательств и провозгласившую приоритет рационального познания над юридическим формализмом. Психологический подход к внутреннему убеждению развивается в исследованиях Pennington и Hastie (1993), демонстрирующих, что судьи и присяжные конструируют нарративы на основе представленных доказательств и оценивают их связность и правдоподобие, что создаёт риск когнитивных искажений.

Сравнительно-правовые исследования оценки доказательств представлены работами Clermont (2009), в которых анализируются различия между континентальной моделью внутреннего убеждения (*intime conviction*) и англо-американским стандартом «вне разумных сомнений» (*beyond reasonable doubt*).

Международно-правовые стандарты оценки доказательств рассматриваются в работе Thienel (2006), посвящённой недопустимости доказательств, полученных путём пыток. Автор обосновывает, что запрет использования таких доказательств является частью обычного международного права и нормой *jus cogens*. Практика Европейского суда по правам человека в сфере оценки доказательств анализируется на примере дел *Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom* (2011) и *Schatschaschwili v. Germany* (2015), касающихся допустимости показаний анонимных свидетелей.

Среди отечественных учёных, исследовавших проблемы доказывания и оценки доказательств, следует отметить U. Tuhtasheva (2020), I. Astnova (2021), B. Rajabov (2019), D. Suyunova (2023), B. Muradov (2018), D. Mirazov (2016) и других исследователей.

Существующие исследования сформировали теоретическую основу для понимания принципа внутреннего убеждения. Вместе с тем остаются недостаточно изученными специфические проблемы применения данного принципа в уголовном процессе Республики Узбекистан с учётом статистических данных о низкой доле оправдательных приговоров, законодательных новелл о недопустимости электронных данных и отсутствия чёткого регулирования производных доказательств. Настоящее исследование направлено на восполнение указанного пробела.

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. Формально-юридический метод применяется для анализа содержания статей 95 и 95¹ УПК Республики Узбекистан, выявления их структуры, определения правовых категорий и понятий, установления взаимосвязей между различными нормами. Данный метод позволяет выявить теоретические противоречия в законодательной конструкции принципа внутреннего убеждения и определить пробелы в регулировании оценки доказательств.

Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления национальной модели оценки доказательств с континентальной и англо-американской моделями, а также для анализа опыта Германии, Франции, скандинавских стран, США и Великобритании. Сравнительный анализ позволяет выявить преимущества и недостатки различных подходов к оценке доказательств и определить возможности использования зарубежного опыта в целях совершенствования национального законодательства. Системный метод применяется для рассмотрения оценки доказательств как элемента целостной системы уголовно-процессуального до-

казывания, взаимосвязанного с другими принципами и институтами уголовного процесса.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе оценки доказательств субъектами уголовно-процессуального доказывания. Нормативную основу исследования составляют положения статей 95 и 95¹ УПК в редакции Закона Республики Узбекистан от 21 ноября 2024 года, устанавливающие критерии оценки доказательств и основания признания доказательств недопустимыми.

Эмпирическую базу исследования составляют статистические данные Верховного суда Республики Узбекистан о результатах рассмотрения уголовных дел судами первой инстанции за период 2020–2025 годов, включающие сведения об общем количестве осуждённых и оправданных лиц, а также процентном соотношении оправдательных приговоров. Теоретическую основу исследования образуют научные труды зарубежных и отечественных учёных в области теории доказательств, психологии юридического решения и сравнительного уголовного процесса.

Предметом исследования являются теоретические проблемы реализации принципа внутреннего убеждения при оценке доказательств в уголовном процессе, включая противоречие между субъективной природой внутреннего убеждения и объективными правовыми критериями оценки; неопределённость понятия правосознания как элемента формирования внутреннего убеждения; проблемы разграничения критериев относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств; сложности установления недопустимости доказательств и распределения бремени доказывания факта нарушения; отсутствие нормативного регулирования допустимо-

сти производных доказательств; влияние когнитивных искажений и обвинительного уклона на формирование внутреннего убеждения судей.

Основная часть

Внутреннее убеждение как принцип оценки доказательств в уголовном процессе представляет собой сложную правовую категорию, находящуюся на стыке объективного и субъективного начал процессуального познания. Согласно части первой статьи 95 УПК, дознаватель, следователь, прокурор и суд оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на тщательном, всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела, руководствуясь законом и правосознанием. Данная формулировка законодателя содержит три ключевых компонента, которые в своей совокупности определяют природу рассматриваемого принципа: собственно внутреннее убеждение субъекта доказывания, законодательные предписания и правосознание как форма правового сознания должностных лиц. Указанная триада формирует определённое противоречие между субъективной природой внутреннего убеждения и объективностью правовых норм, что составляет одну из фундаментальных теоретических проблем современного уголовного процесса.

Исторически концепция внутреннего убеждения возникла как противопоставление системе формальных доказательств, в рамках которой законодатель заранее определял силу и значение каждого вида доказательств (Esnard & Dumas, 2018). В условиях формальной системы судья был связан предустановленными правилами оценки: например, показания двух свидетелей имели большую доказательственную силу, чем показания одного, а признание обвиняемого рассматривалось как «царица

доказательств». Переход к принципу свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению ознаменовал новый этап развития уголовного процесса, провозгласив приоритет рационального познания над юридическим формализмом. Вместе с тем свобода оценки не означает произвола или неограниченной дискреции должностного лица – она подчинена требованиям закона, процессуальной формы и правосознания, что формирует специфическую правовую конструкцию, в которой субъективное начало уравнивается объективными критериями.

Правосознание как компонент формирования внутреннего убеждения представляет собой самостоятельную теоретическую проблему ввиду отсутствия в законодательстве чёткого определения данной категории. Правосознание включает не только знание норм права, но и правовую идеологию, правовую психологию, правовую культуру субъекта доказывания, его представления о справедливости, законности и целесообразности (Clermont, 2009). В контексте оценки доказательств правосознание выполняет функцию внутреннего регулятора, направляющего мыслительную деятельность должностного лица в русло правовой оценки фактических обстоятельств дела. Между тем границы правосознания остаются неопределёнными, что создаёт риск субъективного толкования как правовых норм, так и фактических обстоятельств. Современные исследования в области психологии юридического решения показывают, что внутреннее убеждение формируется не только на основе рационального анализа доказательств, но и под влиянием когнитивных искажений, предубеждений, интуиции и предварительных выводов, сделанных до завершения исследования всех доказательств.

Субъектами оценки доказательств по внутреннему убеждению являются дознаватель, следователь, прокурор и суд, причём каждый формирует собственное внутреннее убеждение на соответствующей стадии уголовного процесса. Следователь формирует убеждение в ходе предварительного расследования, прокурор – при осуществлении надзора за законностью расследования и поддержании государственного обвинения в суде, суд – при рассмотрении дела по существу и вынесении приговора. Законодатель не устанавливает иерархии между внутренними убеждениями различных субъектов доказывания, однако судебное убеждение обладает наибольшей юридической значимостью, поскольку именно суд принимает окончательное решение о виновности или невиновности лица. Проблема заключается в том, что внутренние убеждения различных субъектов по одному и тому же делу могут не совпадать: следователь может быть убеждён в виновности лица, прокурор – усомниться в достаточности доказательств, а суд – прийти к выводу о невиновности. Подобное расхождение является естественным следствием субъективной природы внутреннего убеждения и различий в объёме и характере исследованных доказательств на различных стадиях уголовного процесса.

Статистические данные Верховного суда Республики Узбекистан (Stat.sud.uz, 2025) свидетельствуют о существенном снижении доли оправдательных приговоров в период с 2020 по 2025 годы – с 2,05 % в 2020 году до 0,53 % в первом полугодии 2025 года, что означает сокращение более чем в три раза. Общее количество судимых лиц за рассматриваемый период составило 364 778 человек, из которых оправдано 4 894 лица, что составляет 1,34 % от общего числа (см. табл.).

Таблица
**Динамика количества осуждённых
и оправданных лиц и доли
оправдательных приговоров
в 2020–2025 годах**

Период	Общее количество лиц (судимых и оправданных)*	Количество оправданных лиц	Процент оправдательных приговоров (%)
2020 г.	38 137	781	2,05
2021 г.	61 263	932	1,52
2022 г.	75 078	1 010	1,35
2023 г.	73 797	1 244	1,69
2024 г.	77 995	723	0,93
2025 г. (1-е полугодие)	38 508	204	0,53
Итого	364 778	4 894	1,345 (среднее значение)

* В качестве базы для расчёта (100 %) взято общее количество лиц по делам, окончанным производством в судах первой инстанции.

Столь низкая доля оправдательных приговоров может свидетельствовать о нескольких тенденциях: либо предварительное расследование характеризуется высоким качеством и в суд направляются исключительно дела с достаточной доказательственной базой, либо формирование внутреннего убеждения суда происходит под влиянием обвинительного уклона, традиционно связываемого с континентальной моделью уголовного процесса. Сравнение с международной практикой показывает, что в странах с более выраженной состязательной моделью судопроизводства доля оправдательных приговоров, как правило, выше, что может указывать на различия в механизмах формирования внутреннего убеждения судей.

Законодатель в части второй статьи 95 УПК Республики Узбекистан устанавливает три основных критерия оценки доказательств: относимость, допустимость и достоверность – каждый из которых выполняет самостоятельную функцию в процессе доказывания и одновременно находится во взаимосвязи с другими критериями. Доказательство признаётся относящимся к уголовному делу, если оно содержит сведения о фактах или предметах, подтверждающих, опровергающих либо ставящих под сомнение выводы о существовании обстоятельств, имеющих значение для дела. Критерий относимости направлен на установление логической связи между доказательством и предметом доказывания.

Относимость имеет как объективный, так и субъективный аспект: с объективной точки зрения доказательство должно быть связано с обстоятельствами дела причинно-следственной или иной логической связью; с субъективной – именно должностное лицо или суд определяет наличие такой связи на основании внутреннего убеждения. Проблема разграничения относимых и неотносимых доказательств особенно проявляется при оценке косвенных доказательств, поведения обвиняемого, данных о его личности и иных обстоятельств, прямо не связанных с событием преступления.

Теория относимости доказательств опирается на концепцию релевантности, заимствованную из англо-американской доктрины доказательственного права (701.3 Relevance & Admissibility, 2021). Согласно правилу 401 Федеральных правил о доказательствах США, доказательство является относимым, если оно имеет тенденцию делать существование любого факта, имеющего значение для разрешения дела, более или менее вероятным по сравнению с ситуацией при отсутствии данного доказательства. Национальное

процессуальное законодательство использует более широкую формулировку, включая доказательства, которые не только подтверждают или опровергают обстоятельства дела, но и ставят их под сомнение. Последняя категория представляет особый интерес, поскольку такие доказательства не обязательно свидетельствуют в пользу обвинения или защиты, однако влияют на степень убеждённости субъекта доказывания в истинности либо ложности определённых выводов. В условиях действия принципа презумпции невиновности доказательства, ставящие под сомнение выводы обвинения, подлежат толкованию в пользу обвиняемого, что формирует определённую асимметрию в оценке относимости доказательств.

Допустимость доказательств представляет собой процессуальную характеристику, определяющую законность способа получения и процессуального закрепления доказательственной информации. Часть третья статьи 95 УПК в редакции Закона Республики Узбекистан от 31 декабря 2008 года устанавливает, что доказательство признаётся допустимым, если оно собрано в установленном законом порядке и соответствует требованиям, изложенным в статьях 88, 90, 92–94 УПК. Данная формулировка связывает допустимость доказательств с соблюдением процессуальной формы их получения, что отражает континентальную традицию жёсткой регламентации доказывания. В отличие от относимости, определяемой содержанием доказательства, допустимость зависит от способа его получения и процессуального оформления. Нарушение установленного порядка получения доказательства влечёт признание его недопустимым независимо от степени его убедительности. Такой подход направлен на защиту прав участников процесса и предотвращение произвольных действий должностных лиц при собирании доказательств.

Достоверность доказательств согласно части четвёртой статьи 95 УПК определяется путём проверки: доказательство признаётся достоверным, если в результате проверки установлено его соответствие действительности. Достоверность представляет собой гносеологическую характеристику доказательства, отражающую его истинность и соответствие объективной реальности. В отличие от относимости и допустимости, которые могут быть установлены посредством формально-юридической оценки, достоверность определяется в результате содержательной проверки доказательства, его сопоставления с другими доказательствами, анализа источника информации и условий её формирования.

Проблема оценки достоверности заключается в том, что абсолютная достоверность недостижима в историческом познании, каковым является судебное доказывание: суд устанавливает факты прошлого, которые уже не существуют в настоящем и могут быть познаны лишь опосредованно – через следы, сохранившиеся в материальной среде или в сознании людей. Следовательно, достоверность доказательств всегда носит вероятностный характер, что порождает определённое противоречие с требованием формулирования выводов приговора с несомненностью.

Часть пятая статьи 95 УПК вводит дополнительный критерий оценки совокупности доказательств – достаточность. Совокупность доказательств признаётся достаточной для разрешения дела, если собраны все относящиеся к делу достоверные доказательства, неоспоримо устанавливающие истину обо всех обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Данная формулировка представляет собой законодательное закрепление стандарта доказывания в уголовном процессе Узбекистана. Термин «неоспоримо»

указывает на высокий уровень убедительности доказательств, сопоставимый со стандартом «вне разумных сомнений» в англо-американской традиции (Jackson v. Virginia, 1979).

Достаточность выступает результирующим критерием, объединяющим предыдущие: совокупность может быть признана достаточной лишь при условии, что каждое доказательство отвечает требованиям относимости, допустимости и достоверности. Оценка достаточности носит субъективный характер и формируется на основе внутреннего убеждения субъекта доказывания, что создаёт риск различной оценки одной и той же совокупности доказательств разными должностными лицами или судебными инстанциями.

Законодательное закрепление оснований недопустимости доказательств в статье 95¹ УПК Республики Узбекистан представляет собой конкретизацию конституционного принципа законности при осуществлении правосудия и имплементацию международных стандартов защиты прав человека в уголовном процессе. Первое основание недопустимости связано с применением пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в отношении участников уголовного процесса либо их близких родственников. Данная норма прямо корреспондирует статье 15 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года, согласно которой «каждое государство-участник обеспечивает, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства» (Thienel, 2006).

Абсолютный запрет использования доказательств, полученных путём пыток, основан на нескольких фундаментальных

соображениях: во-первых, такие доказательства по своей природе недостоверны, поскольку лицо под пыткой может признать любые обстоятельства с целью прекращения страданий; во-вторых, их использование нарушает право на справедливое судебное разбирательство и право не свидетельствовать против себя; в-третьих, допущение подобных доказательств косвенно легитимизирует пытки и подрывает доверие к системе правосудия; в-четвёртых, запрет выполняет превентивную функцию, лишая должностных лиц стимула применять пытки для получения признаний.

Доктрина международного права рассматривает запрет использования доказательств, полученных путём пыток, как часть обычного международного права и норму *jus cogens*, то есть императивную норму общего международного права, от которой не допускаются никакие отступления. В англосаксонской правовой традиции данный запрет реализуется посредством исключаящего правила (*exclusionary rule*), препятствующего использованию не только самих доказательств, полученных с нарушением конституционных прав, но и производных доказательств, извлечённых на основе первоначально незаконных доказательств, – доктрина «плодов отравленного дерева» (*Mapp v. Ohio*, 1961). Национальное процессуальное законодательство прямо не закрепляет доктрину производных доказательств, что создаёт пробел в правовом регулировании и потенциально допускает использование доказательств, полученных косвенно в результате применения пыток.

Вторым основанием недопустимости является фальсификация доказательств путём их подделки, направленная на защиту достоверности доказательственной базы и пресечение злоупотреблений со стороны должностных лиц. Фальсифи-

кация может выражаться в изготовлении поддельных документов, внесении изменений в подлинные документы, подмене вещественных доказательств, фабрикации следов преступления и иных действиях, искажающих фактические обстоятельства дела. Законодатель использует общий термин «фальсификация» без конкретизации форм данного деяния, что предоставляет суду широкие полномочия при определении признаков подделки.

Фальсификация доказательств является уголовно наказуемым деянием в соответствии со статьями 230¹ и 230² Уголовного кодекса Республики Узбекистан. Вместе с тем доказывание факта фальсификации в рамках уголовного судопроизводства сопряжено со значительными трудностями. Установление подделки зачастую требует проведения специальных экспертиз, которые могут быть технически сложными и продолжительными, особенно применительно к современным способам фальсификации электронных документов и цифровых доказательств.

Третье основание недопустимости связано с нарушением прав подозреваемого, обвиняемого или подсудимого на защиту, а также права пользоваться услугами переводчика. Право на защиту является одним из фундаментальных принципов уголовного процесса, закреплённых в статье 28 Конституции Республики Узбекистан и статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года. Содержание данного права включает возможность иметь защитника, получать квалифицированную юридическую помощь, быть информированным о сущности обвинения, представлять доказательства, а также пользоваться услугами переводчика при незнании языка судопроизводства.

Нарушение любого из элементов права на защиту влечёт признание недопустимыми доказательств, полученных в ус-

ловиях такого нарушения. Практическая реализация данной нормы тесно связана с определением момента возникновения права на защиту. Законодательство Узбекистана предусматривает обязательное участие защитника с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Однако в следственной практике встречаются случаи допуска защитника к участию в деле на более поздней стадии, что создаёт риск получения доказательств, подлежащих признанию недопустимыми.

Четвёртое основание недопустимости связано с проведением процессуального действия по уголовному делу лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному делу. Данная норма обеспечивает соблюдение принципа процессуальной компетентности и гарантирует независимость должностных лиц, осуществляющих доказывание. Лицо может не обладать правом осуществлять производство по делу по различным основаниям: в силу наличия обстоятельств, подлежащих отводу, отсутствия необходимых процессуальных полномочий либо превышения установленной компетенции. Наиболее распространённой является ситуация нарушения правил подследственности, когда следственное действие производится должностным лицом органа, которому соответствующее уголовное дело не подследственно.

Пятое основание недопустимости – получение доказательств от неизвестного источника либо от источника, который не может быть установлен в ходе производства по уголовному делу, – направлено на реализацию принципа проверяемости доказательств. Анонимность источника лишает сторону защиты возможности проверить достоверность информации посредством допроса источника, установления его возможной заинтересованности в исходе дела, а также выяснения

условий восприятия и воспроизведения фактов. Данное положение соотносится с практикой Европейского суда по правам человека, который в решениях по делам *Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom* (2011) и *Schatschaschwili v. Germany* (2015) указал, что использование показаний анонимных свидетелей само по себе не является нарушением права на справедливое судебное разбирательство, однако должно сопровождаться достаточными процессуальными гарантиями, компенсирующими ограничения, с которыми сталкивается сторона защиты. Отечественное процессуальное законодательство занимает более строгую позицию, устанавливая запрет на использование доказательств, полученных от неустановленных источников, без предусмотренных исключений.

Шестое основание недопустимости является наиболее дискуссионным и специфичным: недопустимыми признаются показания потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, данные в ходе дознания или предварительного следствия, если они не нашли подтверждения в суде совокупностью имеющихся доказательств. Данная норма направлена на преодоление обвинительного уклона, основанного исключительно на показаниях, полученных на стадии предварительного расследования, и стимулирует суд к непосредственному исследованию доказательств в судебном заседании в соответствии с принципом непосредственности судебного разбирательства.

Вместе с тем формулировка данной нормы создаёт неопределённость относительно критериев «подтверждения совокупностью имеющихся доказательств»: законодатель не уточняет, какая степень подтверждения требуется, какие доказательства могут служить подтверждением и достаточно ли частичного подтверждения либо необходимо полное совпадение

показаний с другими доказательствами. Приведённые ранее статистические данные, согласно которым в 2020–2025 годах доля оправдательных приговоров составила лишь 1,34 %, могут свидетельствовать о недостаточно активном применении данной нормы судами при оценке доказательств.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в большинстве правовых систем отсутствуют аналогичные положения о недопустимости неподтверждённых показаний; соответствующая проблема, как правило, решается посредством закрепления правила о необходимости corroborации (подтверждения) отдельных видов доказательств другими доказательствами.

Практическое применение норм о недопустимости доказательств непосредственно влияет на формирование внутреннего убеждения судей через механизм исключения информации из процесса оценки. Психологические исследования показывают, что судьи испытывают значительные трудности при игнорировании недопустимой информации, с которой они уже ознакомились, – феномен, известный как *inability to disregard*. Wistrich, Guthrie и Rachlinski экспериментально доказали, что даже профессиональные судьи не способны полностью исключить из сознания недопустимые доказательства после ознакомления с ними (Wistrich et al., 2004).

В национальной системе уголовного процесса данная проблема усугубляется тем, что судья знакомится с обвинительным заключением и материалами дела до начала судебного разбирательства. Если материалы содержат доказательства, которые впоследствии будут признаны недопустимыми, у судьи может сформироваться предварительное мнение на их основе. Отсутствие публичной статистики о частоте применения статьи 95¹ УПК не позволяет оценить масштаб проблемы,

однако косвенным индикатором может служить низкая доля оправдательных приговоров (1,34%), что может свидетельствовать о редком признании доказательств недопустимыми.

Часть четвёртая статьи 95¹, введённая Законом Республики Узбекистан от 21 ноября 2024 года, устанавливает специальное правило о недопустимости электронных данных, полученных при производстве следственных действий по выемке или осмотру без участия специалиста. Данная новелла отражает современные вызовы цифровизации уголовного процесса и направлена на обеспечение достоверности электронных доказательств. Электронные данные характеризуются повышенной уязвимостью: они могут быть изменены, уничтожены или сфальсифицированы без очевидных следов вмешательства. Обязательное участие специалиста при их получении призвано обеспечить техническую корректность процессуального действия, надлежащее применение программно-технических средств фиксации информации и соблюдение процедур, гарантирующих целостность данных.

Выявленные теоретические проблемы

Субъективность внутреннего убеждения представляет собой фундаментальную теоретическую проблему, проявляющуюся в противоречии между требованием объективности оценки доказательств и неизбежной субъективностью процесса формирования убеждения конкретного должностного лица или судьи. Внутреннее убеждение по своей природе является психологическим состоянием субъекта доказывания, формирующимся под влиянием множества факторов: профессионального опыта, мировоззрения, правосознания, когнитивных установок и эмоционального состояния.

Современные исследования в области психологии юридического решения сви-

детельствуют о подверженности судей и следователей различным когнитивным искажениям: эффекту подтверждения (*confirmation bias*), якорному эффекту (*anchoring effect*), эвристике доступности (*availability heuristic*), ретроспективному искажению (*hindsight bias*) (Pennington & Hastie, 1993). Эффект подтверждения проявляется в том, что субъект доказывания склонен придавать большее значение доказательствам, подтверждающим уже сформированную гипотезу, и игнорировать либо недооценивать доказательства, ей противоречащие. Приведённые выше статистические данные могут указывать на возможное наличие обвинительного уклона в формировании внутреннего убеждения судей.

Неопределённость понятия «правосознание» как компонента формирования внутреннего убеждения создаёт дополнительную теоретическую проблему ввиду отсутствия в законодательстве и правовой доктрине чёткого определения содержания и границ данной категории. Часть первая статьи 95 УПК указывает, что субъекты доказывания оценивают доказательства, «руководствуясь законом и правосознанием», однако соотношение этих компонентов остаётся неясным.

Возникают вопросы: каким образом должен действовать суд или должностное лицо в ситуации, когда его правосознание вступает в противоречие с буквальным содержанием нормы закона? может ли правосознание рассматриваться как самостоятельное основание для отступления от закона, либо оно должно реализовываться исключительно в пределах, установленных законом? Правосознание включает не только знание правовых норм, но и правовую идеологию, представления о справедливости, целесообразности и гуманизме. Различные субъекты доказывания могут обладать разным уровнем правосознания в зависимости от

образования, профессионального опыта, а также культурных и социальных факторов. Отсутствие объективных критериев оценки правосознания создаёт риск произвольного толкования норм права и фактических обстоятельств дела под влиянием субъективных представлений должностного лица о справедливости и целесообразности.

Проблема разграничения критериев оценки доказательств возникает в ситуациях, когда один и тот же недостаток доказательства может рассматриваться как нарушение различных критериев. Например, доказательство, полученное с нарушением процессуальной формы, является недопустимым, но одновременно может быть признано недостоверным ввиду ненадлежащих условий его формирования. Доказательство, полученное от неустановленного источника, признаётся недопустимым по пункту 5 части первой статьи 95¹ УПК, однако одновременно не подлежит проверке на достоверность вследствие невозможности допроса источника.

Законодатель не устанавливает иерархии между критериями оценки и не определяет последовательность их применения. Возникает вопрос: должен ли суд первоначально оценить относимость доказательства, затем его допустимость и только после этого – достоверность, либо данные критерии подлежат одновременно применению? Практическое значение данного вопроса заключается в том, что признание доказательства неотносимым освобождает суд от необходимости проверки его допустимости и достоверности, что может способствовать процессуальной экономии, но одновременно создаёт риск необоснованного отклонения доказательств стороны защиты.

Сложности установления недопустимости доказательств связаны с распределением бремени доказывания факта

нарушения процессуальных норм при их получении. Часть вторая статьи 95¹ УПК предусматривает, что недопустимость использования фактических данных в качестве доказательств устанавливается должностным лицом органа, осуществляющего доследственную проверку, дознавателем, следователем, прокурором либо судом, по собственной инициативе или по ходатайству участников процесса. Вместе с тем законодатель не определяет, на ком лежит бремя доказывания наличия оснований недопустимости – на стороне, заявляющей ходатайство о признании доказательства недопустимым, или на стороне, представившей соответствующее доказательство.

В англо-американской доктрине данный вопрос решается посредством установления презумпции законности получения доказательств, которая может быть опровергнута стороной, заявляющей о нарушении (United States, 1920). Отсутствие аналогичного чёткого регулирования в национальном законодательстве создаёт неопределённость и затрудняет единообразное применение норм о недопустимости доказательств.

Противоречия в правоприменительной практике возникают и при определении того, какие нарушения процессуальной формы влекут признание доказательства недопустимым, а какие являются устранимыми недостатками. Законодатель не проводит различия между существенными и несущественными нарушениями порядка получения доказательств, что формально означает, что любое нарушение должно повлечь их недопустимость. Однако судебная практика фактически дифференцирует нарушения на существенные, влияющие на допустимость доказательства, и несущественные, не оказывающие такого влияния.

Критерии разграничения существенных и несущественных нарушений прямо

не закреплены в законодательстве и формируются судебной практикой на основе оценочных категорий: нарушение права на защиту, нарушение принципов уголовного процесса, искажение фактических обстоятельств дела. Отсутствие чётких законодательных ориентиров создаёт риск неодинаковой оценки сходных ситуаций различными судами и судебными инстанциями.

Проблема баланса между процессуальными гарантиями и эффективностью уголовного преследования проявляется в том, что строгое применение правил о недопустимости доказательств может привести к освобождению от ответственности лиц, фактически совершивших преступления, вследствие процессуальных нарушений при их получении. Данная проблема известна в англо-американской доктрине как «социальные издержки исключяющего правила» – ситуация, при которой достоверные доказательства вины лица не могут быть использованы в суде из-за нарушения процедуры их получения (*Hudson v. Michigan*, 2006).

Авторская позиция по выявленным теоретическим проблемам оценки доказательств по внутреннему убеждению основывается на признании необходимости сохранения данного принципа при одновременном введении дополнительных процессуальных механизмов, способных компенсировать его субъективную составляющую. Субъективность внутреннего убеждения не следует рассматривать как недостаток, подлежащий устранению; она является естественным свойством любого процесса человеческого познания. Попытки полностью исключить субъективный элемент из оценки доказательств могут привести либо к возврату к системе формальных доказательств с заранее установленной силой каждого их вида, либо к излишне механистическому подходу, недостаточно учитывающему

специфику конкретного дела. Вместо устранения субъективности целесообразно формировать процессуальные условия для её контроля и снижения возможных негативных последствий когнитивных искажений (Wistrich & Rachlinski, 2017).

Одним из таких механизмов может стать законодательное закрепление обязанности суда формулировать в приговоре не только выводы о виновности или невиновности лица, но и развёрнутую мотивировку причин, по которым одни доказательства признаны достоверными и достаточными, а другие – отвергнуты. В существующей практике мотивировочная часть приговоров нередко ограничивается общими формулировками о том, что суд оценил доказательства по своему внутреннему убеждению и пришёл к соответствующему выводу, без детального раскрытия логики оценки каждого доказательства.

Критический анализ научных концепций внутреннего убеждения позволяет выделить два основных подхода: психологический и нормативный. Психологический подход, развиваемый в работах Esnard и Dumas (2018), рассматривает внутреннее убеждение как психологическое состояние субъекта доказывания, формирующееся под влиянием рационального анализа доказательств, интуитивных факторов, профессионального опыта и подсознательных установок. Данный подход обращает внимание на реальный процесс формирования убеждения у судьи или следователя, включая его не полностью рациональные компоненты.

Нормативный подход, напротив, трактует внутреннее убеждение как юридическую конструкцию, определяющую полномочия субъекта доказывания по оценке доказательств и устанавливающую пределы судебного усмотрения. С этой позиции внутреннее убеждение должно формироваться на основе закона и правосознания,

что предполагает недопустимость произвольной оценки доказательств.

Авторская позиция состоит в интеграции указанных подходов: признавая психологическую природу внутреннего убеждения, необходимо одновременно формировать нормативные рамки, направляющие процесс его формирования в сторону максимально объективной оценки фактических обстоятельств дела. Полное исключение психологических факторов невозможно и нецелесообразно, однако их влияние может быть снижено посредством установления чётких процедур проверки доказательств, требования развёрнутой и аргументированной мотивировки судебных выводов, а также использования коллегиального обсуждения дела как дополнительного механизма внутреннего контроля.

Вопрос допустимости судебного усмотрения при оценке достаточности доказательств остаётся дискуссионным. Согласно одной из позиций, законодатель должен установить более формализованные критерии достаточности доказательств для вынесения обвинительного приговора, аналогичные стандарту «вне разумных сомнений» в англо-американской традиции. С этой точки зрения формулировка «неоспоримо устанавливающие истину», содержащаяся в части пятой статьи 95 УПК, представляется недостаточно определённой и допускающей различные интерпретации в судебной практике.

Авторская позиция состоит в том, что попытки излишней формализации критериев достаточности доказательств неизбежно сталкиваются с проблемой казуистичности: любая абстрактная формула объективно не способна охватить всё многообразие конкретных ситуаций, возникающих в судебной практике. Более обоснованным представляется подход, ориентированный на формирование

единообразной судебной практики толкования критерия достаточности посредством руководящих разъяснений Пленума Верховного суда и публикации мотивированных решений по конкретным делам. Компаративный анализ показывает, что в странах общего права стандарт «вне разумных сомнений» также не имеет абсолютно унифицированного понимания и интерпретируется судами с учётом обстоятельств конкретного дела (*Victor v. Nebraska*, 1994).

Аргументация авторского подхода к решению проблемы неопределённости понятия «правосознание» основывается на необходимости разграничения профессионального и обыденного правосознания. Профессиональное правосознание судьи или следователя формируется в процессе юридического образования и практической деятельности и включает не только знание норм права, но и понимание правовых принципов, целей правового регулирования и соотношения различных правовых ценностей. Обыденное правосознание, напротив, опирается на повседневные представления о справедливости, которые не всегда совпадают с требованиями закона. Формулировка законодателя «руководствуясь законом и правосознанием» предполагает именно профессиональное правосознание, которое не может противоречить закону, но способно выходить за пределы буквального толкования нормы при применении аналогии, телеологического толкования и восполнении пробелов. Таким образом, правосознание не рассматривается как альтернатива закону, а функционирует в пределах правовой системы.

Для корректной интерпретации рассматриваемых статистических показателей необходим сравнительно-правовой анализ. Международные исследования демонстрируют значительное разнообразие в уровне оправдательных приговоров

в различных правовых системах. Так, в Японии доля оправдательных приговоров составляет менее 1% (уровень обвинительных приговоров превышает 99%), что исследователи связывают с высокой селективностью системы уголовного преследования: прокуроры предъявляют обвинение примерно по 37% расследованных дел, отсекая менее перспективные дела ещё на досудебной стадии (Ramseyer & Rasmusen, 2001; Johnson, 2002). В исследованиях отмечается, что высокий процент обвинительных приговоров в Японии обусловлен, прежде всего, строгим предварительным отбором дел прокуратурой и ограниченными ресурсами системы уголовного преследования, а не исключительно судебной предвзятостью.

В Германии общий процент обвинительных приговоров ниже по сравнению с рядом других правовых систем. Согласно сравнительному исследованию Boland (1990), германская система характеризуется большим количеством судебных разбирательств и более заметной долей оправдательных исходов по сравнению с США, при этом процент отказов от обвинения также выше. По данным Федерального статистического ведомства Германии, в 2019 году было вынесено около 728 900 обвинительных приговоров, при этом производство по 162 900 делам (примерно 18%) завершилось иными решениями, включая оправдательные приговоры и прекращение дел (Statistisches Bundesamt, 2020).

В федеральной системе США наблюдается иная картина. Согласно данным Pew Research Center, в 2022 финансовом году лишь 0,4% федеральных подсудимых (290 из 71 954) были оправданы по результатам судебного разбирательства, тогда как 89,5% признали вину в рамках соглашений с обвинением (*plea bargaining*), а 8,2% дел были прекращены (Gramlich, 2023). Если рассчитывать

долю обвинительных приговоров от числа предъявленных обвинений, а не от числа расследованных дел, федеральная система США демонстрирует показатель *conviction rate* около 99,8%, сопоставимый с японскими данными.

Показатель Республики Узбекистан – 1,34% оправдательных приговоров – находится между японской моделью (менее 1%) и германской практикой (около 15–18% неосудительных исходов). Столь низкая доля оправдательных приговоров может объясняться совокупностью институциональных факторов. Во-первых, возможным высоким уровнем предварительной проверки материалов органами следствия и прокуратуры до направления дела в суд, что формирует эффект досудебной фильтрации, сходный с японской моделью. Во-вторых, особенностями континентальной процессуальной системы, при которой уголовное дело проходит несколько стадий процессуального контроля (дознание, следствие, прокурорский надзор) до передачи в суд, что может создавать кумулятивный эффект подтверждения версии обвинения. В-третьих, вероятным влиянием институциональной среды на формирование внутреннего убеждения судей.

Исследования Wistrich, Rachlinski и Guthrie указывают на подверженность судей когнитивным искажениям, включая эффект подтверждения и якорный эффект, способные оказывать влияние на оценку доказательств (Wistrich et al., 2015). В условиях континентальной модели, где судья знакомится с материалами дела до начала судебного разбирательства, риск формирования предварительного мнения о виновности объективно возрастает.

В-четвёртых, определённую роль могут играть особенности системы оценки деятельности судей. Исследование японской системы правосудия показало, что

вынесение оправдательных приговоров в отдельных случаях может восприниматься как фактор, влияющий на карьерные перспективы судей (Ramseyer & Rasmusen, 2001), что способно формировать латентные институциональные стимулы. Вместе с тем подобные выводы требуют осторожного применения к иным правовым системам и дополнительного эмпирического подтверждения.

В целом низкая доля оправдательных приговоров может быть характерна для правовых систем с выраженной досудебной селекцией дел и высокой степенью доверия к результатам предварительного расследования. В то же время международная практика, включая отдельные решения Европейского суда по правам человека (например, *Keller v. Russia* (2013)), подчёркивает недопустимость восприятия направления дела в суд как презумпции виновности обвиняемого.

Для выявления возможных причин низкой доли оправдательных приговоров в Узбекистане представляется необходимым проведение комплексного эмпирического исследования, включающего: анализ содержания оправдательных и обвинительных приговоров; выявление типичных оснований для оправдания; изучение практики применения норм о недопустимости доказательств; интервьюирование судей относительно факторов, влияющих на формирование внутреннего убеждения; анализ статистики возвращения дел прокурору для устранения недостатков, а также прекращения дел на стадии предварительного расследования.

Анализ правоприменительной практики позволяет выявить определённое расхождение между нормативными требованиями к оценке доказательств и фактической структурой судебных решений. Законодатель предписывает оценивать каждое доказательство с точки зрения

относимости, допустимости и достоверности, однако в судебных актах нередко отсутствует развёрнутый анализ каждого критерия применительно к каждому доказательству. Типичный приговор, как правило, ограничивается общей формулировкой о том, что суд, оценив представленные доказательства в их совокупности, пришёл к выводу о доказанности вины подсудимого. Подобная практика может создавать впечатление формализованного подхода к оценке доказательств и затруднять проверку обоснованности выводов суда вышестоящими инстанциями.

Исследования в области психологии юридического решения показывают, что судьи могут формировать предварительное мнение о виновности или невиновности лица на ранних стадиях судебного разбирательства, после чего неосознанно уделять больше внимания доказательствам, подтверждающим первоначальную позицию, и в меньшей степени учитывать противоречащие сведения (Wistrich, 2004). Данный феномен, известный как эффект подтверждения, способен оказывать влияние на процесс оценки доказательств и не всегда может быть нейтрализован простым указанием на необходимость беспристрастности.

Поддержка определённых научных подходов к решению выявленных проблем связана с концепцией процедурной справедливости, разработанной в работах Tyler и Huo (2002). В соответствии с данной концепцией легитимность судебных решений и уровень доверия общества к системе правосудия зависят не только от правильности итогового вывода, но и от справедливости самой процедуры его принятия. Процедурная справедливость предполагает возможность сторон представлять доказательства и аргументы, беспристрастность судьи, обоснованность решения и уважительное отношение к участникам процесса. В контексте оценки

доказательств по внутреннему убеждению это означает необходимость формирования процедурных гарантий, обеспечивающих полноту и объективность исследования доказательств, равенство процессуальных возможностей сторон при их представлении и оспаривании, а также достаточную мотивированность судебных решений.

Опыт зарубежных государств в сфере регулирования оценки доказательств демонстрирует существование двух концептуально различных подходов: континентальной модели свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению и англо-американской модели детализированной регламентации допустимости доказательств посредством специальных правил доказательственного права. Континентальная модель, к которой относится уголовный процесс Республики Узбекистан, основывается на принципе свободной оценки доказательств судьёй, который «формирует своё внутреннее убеждение на основе совокупности исследованных доказательств без заранее установленной силы отдельных их видов» (Damaska, 1997).

Англо-американская модель, напротив, характеризуется наличием детально разработанных правил допустимости доказательств (*Federal Rules of Evidence*, 2024), ограничивающих усмотрение присяжных заседателей и судьи путём исключения из рассмотрения определённых категорий доказательств, признаваемых ненадёжными либо способными нарушить баланс процессуальной справедливости. Различие между данными моделями во многом обусловлено исторически сложившимися особенностями судопроизводства: континентальная система традиционно исходит из доверия к профессиональному судье и его способности самостоятельно оценивать надёжность доказательств, тогда как англо-американская система, предпола-

гающая участие присяжных заседателей, стремится минимизировать влияние потенциально ненадёжной информации на непрофессиональных участников процесса.

Сравнение механизмов обеспечения достоверности доказательств в различных правовых системах показывает, что все они сталкиваются с необходимостью поиска баланса между установлением истины и защитой прав участников процесса. Германская модель уголовного процесса сочетает принцип свободной оценки доказательств с развитой системой процессуальных гарантий, включая детальную мотивировку судебных решений и тщательную регламентацию отдельных следственных действий (Weigend, 2003). Французская модель характеризуется определённым дуализмом: на стадии предварительного расследования действует следственный судья, активно участвующий в собирании доказательств, тогда как в судебном разбирательстве реализуется принцип устности и непосредственности исследования доказательств.

Скандинавские страны выработали модель свободной оценки доказательств, при которой суд обязан в приговоре детально обосновывать, почему одни доказательства признаны достоверными, а другие – отвергнуты (Klamberg, 2020). Данный подход представляет интерес в контексте возможного совершенствования отечественного уголовного процесса, поскольку он сохраняет принцип внутреннего убеждения, одновременно усиливая его объективирующий потенциал посредством требования развёрнутой мотивировки.

Теоретические предложения по совершенствованию механизма оценки доказательств по внутреннему убеждению целесообразно строить на основе сохранения данного принципа при одновременном укреплении его объективности через до-

полнительные процессуальные гарантии. Одним из направлений совершенствования может стать законодательное уточнение требований к мотивировке приговора в части оценки доказательств. Часть вторая статьи 467 УПК предусматривает обязанность суда мотивировать назначенные наказания, однако не конкретизирует степень детализации мотивировки в части анализа доказательств и не устанавливает обязательность последовательного рассмотрения критериев относимости, допустимости и достоверности применительно к каждому доказательству.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть возможность дополнения статьи 465 УПК положением, обязывающим суд в приговоре обосновывать, по каким причинам каждое из доказательств, положенных в основу выводов суда, признано относимым, допустимым и достоверным, а также почему совокупность доказательств признана достаточной для разрешения дела. Подобное уточнение способствовало бы усилению внутреннего самоконтроля судей при формировании убеждения и облегчило бы проверку обоснованности судебных решений вышестоящими инстанциями.

Второе направление совершенствования связано с разработкой разъяснений Пленума Верховного суда по вопросам оценки доказательств и применения статей 95 и 95¹ УПК. Отсутствие единообразного толкования таких понятий, как «установление истины», «подтверждение совокупностью имеющихся доказательств», «существенное нарушение процессуального порядка», создаёт правовую неопределённость и способствует формированию неоднородной судебной практики. Представляется целесообразным, чтобы Пленум Верховного суда разъяснил критерии разграничения существенных и несущественных нарушений процессуального порядка получения доказательств,

уточнил содержание понятия «подтверждение» показаний для целей применения пункта 6 части первой статьи 95¹ УПК, а также определил минимальные требования к мотивировке оценки доказательств в приговоре.

Необходимость уточнения законодательства проявляется и в части регулирования доктрины производных доказательств («плодов отравленного дерева»). Действующее законодательство прямо не определяет допустимость доказательств, полученных на основе первоначально признанных недопустимыми. Например, если показания подозреваемого признаны недопустимыми вследствие отсутствия защитника при допросе, остаётся неясным, влечёт ли это недопустимость вещественных доказательств, обнаруженных на основе таких показаний. В этой связи представляется возможным рассмотреть дополнение статьи 95¹ УПК положением, предусматривающим признание недопустимыми доказательств, полученных на основе сведений из недопустимых доказательств, за исключением случаев, когда будет установлено, что они неизбежно были бы обнаружены законным путём независимо от первоначального нарушения. Подобное исключение, известное в англо-американской доктрине как доктрина неизбежного обнаружения (*inevitable discovery doctrine*) (*Nix v. Williams*, 1984), позволяет сохранить баланс между обеспечением процессуальных гарантий и недопущением необоснованного освобождения лица от ответственности при одновременном поддержании стимула к соблюдению процессуальных норм.

Институциональные меры, направленные на повышение объективности оценки доказательств, могут включать совершенствование системы оценки деятельности судей. Система, ориентированная преимущественно на формальные стати-

стические показатели, включая процент отменённых приговоров, потенциально способна формировать определённые мотивационные эффекты, поскольку оправдательные приговоры чаще становятся предметом обжалования и могут иметь более высокий риск отмены. В этой связи представляется возможным рассмотреть отказ от использования показателя процента отменённых приговоров как самостоятельного критерия оценки деятельности судьи, заменив его анализом причин отмен с разграничением случаев, связанных с допущенными судебными ошибками, и иных оснований.

Кроме того, целесообразно нормативно закрепить принцип недопустимости любых форм воздействия на судью в связи с содержанием принимаемых им решений, включая воздействие со стороны вышестоящих судебных инстанций и органов судейского сообщества. Реальное обеспечение независимости судей является важнейшим условием формирования внутреннего убеждения на основе объективной оценки доказательств.

Заключение

Проведённое исследование теоретических проблем оценки доказательств по внутреннему убеждению в уголовном процессе Республики Узбекистан позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Внутреннее убеждение как принцип оценки доказательств представляет собой сложную правовую категорию, находящуюся на стыке объективного и субъективного начал процессуального познания. Законодательная формулировка статьи 95 УПК, предусматривающая оценку доказательств по внутреннему убеждению, основанному на тщательном, всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела при руководстве законом и правосознанием, формирует триединую конструкцию, определяющую

природу данного принципа. Ключевая теоретическая проблема заключается в необходимости поддержания баланса между субъективной природой внутреннего убеждения и объективными требованиями правовых норм.

2. Анализ критериев оценки доказательств показал, что закрепление относительности, допустимости, достоверности и достаточности в качестве самостоятельных критериев формирует сложную систему оценки, в рамках которой каждый критерий выполняет специфическую функцию. Относимость обеспечивает логическую связь доказательства с предметом доказывания, допустимость характеризует законность способа его получения, достоверность отражает соответствие доказательства объективной реальности, а достаточность оценивает совокупность доказательств с точки зрения возможности разрешения дела. Трудности разграничения указанных критериев проявляются в ситуациях, когда один и тот же недостаток доказательства может одновременно затрагивать несколько критериев, что влечёт определённую правовую неопределённость.

3. Исследование оснований признания доказательств недопустимыми показало, что статья 95¹ УПК устанавливает шесть категорий недопустимых доказательств, отражающих имплементацию международных стандартов защиты прав человека в уголовном процессе. Особое значение имеет абсолютный запрет использования доказательств, полученных путём пыток и жестокого обращения, что соответствует статье 15 Конвенции ООН против пыток 1984 года. Введение в 2024 году специального правила о недопустимости электронных данных, полученных без участия специалиста, свидетельствует о стремлении учитывать вызовы цифровизации уголовного процесса. Вместе с тем отсутствие прямого регулирования

доктрины производных доказательств сохраняет дискуссионность вопроса о допустимости доказательств, полученных косвенно в результате процессуальных нарушений.

4. К числу выявленных теоретических проблем относятся субъективная природа внутреннего убеждения, неопределённость содержания категории «правосознание», сложности установления недопустимости доказательств и отдельные противоречия в правоприменительной практике. Статистические данные Верховного суда Республики Узбекистан указывают на устойчивую тенденцию снижения доли оправдательных приговоров – с 2,05 % в 2020 году до 0,53 % в первом полугодии 2025 года при среднем показателе 1,34 % за анализируемый период. Данные показатели могут свидетельствовать о влиянии институциональных и процессуальных факторов на формирование внутреннего убеждения судей, включая особенности применения норм о недопустимости доказательств.

5. Сравнительно-правовой анализ показывает, что континентальная модель свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, к которой относится уголовный процесс Узбекистана, обладает преимуществом гибкости, однако сопряжена с риском субъективного усмотрения. Англо-американская модель детализированной регламентации допустимости доказательств обеспечивает более высокую степень формальной определённости, но может сопровождаться тенденцией к избыточной формализации. Скандинавская модель, сочетающая принцип внутреннего убеждения с обязательной развёрнутой мотивировкой судебных решений, представляет собой возможный ориентир для совершенствования национального законодательства.

6. Практические рекомендации по совершенствованию механизма оценки доказательств включают:

Во-первых, внесение изменений в статью 465 УПК Республики Узбекистан путём дополнения её новой частью следующего содержания:

«В описательно-мотивировочной части обвинительного приговора должны содержаться:

обоснование признания каждого доказательства, положенного в основу выводов суда, относимым, допустимым и достоверным с указанием конкретных обстоятельств, подтверждающих соблюдение данных критериев;

мотивы отклонения доказательств, представленных стороной защиты, с указанием оснований, по которым они признаны неотносимыми, недопустимыми либо недостоверными;

обоснование достаточности совокупности доказательств для разрешения дела с указанием, каким образом их совокупность устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию».

Во-вторых, разработку разъяснений Пленума Верховного суда по вопросам толкования ключевых понятий статей 95 и 95¹ УПК.

В-третьих, дополнение законодательства положениями о недопустимости производных доказательств с возможным закреплением исключения для случаев неизбежного обнаружения.

В-четвёртых, рассмотрение возможности внедрения института предварительного слушания по вопросам допустимости доказательств.

В-пятых, совершенствование системы оценки деятельности судей путём отказа от использования показателя процента отменённых приговоров как самостоятельного критерия.

REFERENCES

1. 703.1 Relevance & Admissibility [Rules 401, 402]. (2021). <https://ncpro.sog.unc.edu/manual/703-1>
2. Astanov, I., & Hamidov, B. (2021). Obshheteoreticheskie voprosy, svyazannye s elektronnyimi ili tsifrovymi dokazatelstvami: problema i reshenie [General theoretical issues related to electronic or digital evidence: Problem and solution]. *Obshhestvo i innovatsii [Society and Innovations]*, 2(7/S), 259–278.
3. Boland, B. (1999). *German and American prosecutions: An approach to statistical comparison*. Bureau of Justice Statistics, U.S. Department of Justice.
4. *Al-Khawaja and Tahery v. United Kingdom, Applications no. 26766/05 and 22228/06*. (2011, December 15). [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:\[%22001-108072%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:[%22001-108072%22])
5. *Keller v. Russia, Application no. 26824/04*. (2013, October 17). [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:\[%22001-126907%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:[%22001-126907%22])
6. *Schatschaschwili v. Germany, Application no. 9154/10*. (2015, December 15). [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:\[%22001-159566%22\]](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:[%22001-159566%22])
7. Clermont, K. M. (2009). Standards of proof revisited. *Vermont Law Review*, 33. (Originally presented at the Emotion in Context: Exploring the Interaction between Emotions and Legal Institutions Conference, University of Chicago Law School, May 2008). *Cornell Legal Studies Research Paper*, 1321029.
8. Damaška, M. R. (1997). *Evidence law adrift*. Yale University Press. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt32bnj3>
9. Esnard, C., & Dumas, R. (2018). L'intime conviction: entre cadres légaux, représentations et pratiques chez les magistrats et jurés en cour d'assises [Personal conviction: between legal frameworks, representations and practices among judges and jurors in the Assize Court]. *Bulletin de psychologie [Psychology Bulletin]*, 559, 53–69.
10. Federal Rules of Evidence. (2024, December 1). <https://www.law.cornell.edu/rules/fre>
11. Gramlich, J. (2023). *Few federal criminal defendants go to trial and even fewer are acquitted*. Pew Research Center.
12. *Hudson v. Michigan, 547 U.S. 586*. (2006). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/547/586/>
13. *Jackson v. Virginia, 443 U.S. 307*. (1979). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/443/307/>
14. Johnson, D. T. (2002). *The Japanese way of justice: Prosecuting crime in Japan*. Oxford University Press.
15. Klamberg, M. (2020, February 25). Epistemological controversies and evaluation of evidence in international criminal trials. In K. J. Heller, F. Mégret, S. Nouwen, J. D. Ohlin, & D. Robinson (Eds.), *The Oxford handbook of international criminal law* (OUP 2020). *Stockholm University Research Paper*, 65. Faculty of Law.
16. *Mapp v. Ohio, 367 U.S. 643*. (1961). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/367/643/>
17. Mirazov, D. M. (2016). Dastlabki tergov idoralari faoliyati ustidan kontrol va nazoratni takomillashtirishning nazariy, tashkiliy va protsessual jihatlarini [Theoretical, organizational, and procedural aspects of improving control and supervision over preliminary investigation authorities]. [Abstract of DSc Dissertation]. Tashkent, Uzbekistan.
18. Murodov, B. B. (2018). Jinoyat ishini tugatish institutini takomillashtirish [Improvement of the institution of termination of criminal cases]. [Abstract of DSc Dissertation]. Tashkent, Uzbekistan.
19. *Nix v. Williams, 467 U.S. 431*. (1984). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/467/431/>
20. Pennington, N., & Hastie, R. (1993). The story model for juror decision making. In R. Hastie (Ed.), *Inside the juror: The psychology of juror decision making* (pp. 192–222). Cambridge University Press.
21. Rajabov, B. A. (2019). Jinoyat protsessida dalillarni to'plash, tekshirish va baholash [Collection, examination, and evaluation of evidence in criminal proceedings]. [Monograph]. Tashkent: Academy of the MIA of the Republic of Uzbekistan.

22. Ramseyer, J. M., & Rasmusen, E. B. (2001). Why is the Japanese conviction rate so high? *The Journal of Legal Studies*, 30(1), 53–88.
23. *Silverthorne Lumber Co., Inc. v. United States*, 251 U.S. 385. (1920). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/251/385/>
24. Stat.sud.uz. (2025). Jinoyat ishlari bo'yicha statistik ma'lumotlar [Criminal statistics]. <https://stat.sud.uz/criminal>
25. Statistisches Bundesamt (Destatis). (2020). Criminal prosecution by the courts in 2019: Convictions up 2.3% on 2018.
26. Suyunova, D. (2023, June 10). Sovremennye problemy dopustimosti dokazatelstv na stadii sudebnogo razbiratelstva [Contemporary problems of admissibility of evidence at the trial stage]. *Society and Innovations*.
27. Thienel, T. (2006). The admissibility of evidence obtained by torture under international law. *European Journal of International Law*, 17(2), 349–367.
28. Tuhtasheva, U. (2020). Perspektivy uproshhennogo sudoproizvodstva v ugolovnom processe [Prospects for simplified criminal procedure]. *Obshhestvo i innovatsii*, [Society and Innovations] 1(1), 189–199.
29. Tyler, T. R., & Huo, Y. J. (2002). *Trust in the law: Encouraging public cooperation with the police and courts*. Russell Sage Foundation. <http://www.jstor.org/stable/10.7758/9781610445429>
30. *Victor v. Nebraska*, 511 U.S. 1. (1994). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/511/1/>
31. Weigend, T. (2003). Is the criminal process about truth?: A German perspective. *Harvard Journal of Law and Public Policy*, 26, 157.
32. Wistrich, A. J., & Rachlinski, J. J. (2017, March 16). Implicit bias in judicial decision making: How it affects judgment and what judges can do about it. In *Enhancing justice* (Chapter 5). American Bar Association. *Cornell Legal Studies Research Paper*, 17-16.
33. Wistrich, A. J., Guthrie, C., & Rachlinski, J. J. (2004). Can judges ignore inadmissible information? The difficulty of deliberately disregarding. *University of Pennsylvania Law Review*, 153, 1251.
34. Wistrich, A. J., Rachlinski, J. J., & Guthrie, C. (2015). Heart versus head: Do judges follow the law or follow their feelings? *Texas Law Review*, 93, 855–923.

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2026-YIL 1-SON

VOLUME 6 / ISSUE 1 / 2026

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.6.1.